

Овчинников Алексей Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права
юридического факультета Южного
федерального университета

Ахrameева Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
и процесса Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета

Воронцов Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры процессуального
права Южно-Российского института —
филиала РАНХиГС при Президенте РФ,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факуль-
тета Южного федерального университета

Кожокарь Игорь Петрович,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института
государства и права Российской академии
наук, доцент кафедры гражданского права
и процесса и международного частного
права РУДН

Кравченко Артур Георгиевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-
правовых дисциплин, Институт права,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса

Мамычев Алексей Юрьевич,
доктор политических наук, кандидат
юридических наук, заведующий кафедрой
теории и истории российского и
зарубежного права,
Институт права, Владивостокский
государственный университет
экономики и сервиса

Ovchinnikov, Alexey I.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State and Law,
Law Faculty,
Southern Federal University

Akhrameeva, Olga V.,
PhD in Law, Associate Professor
of the Department of Civil Law
and Process of the Law Institute
of the North-Caucasian Federal University

Vorontsov, Sergey A.,
Doctor of Law, Professor, Professor
of the Department of Procedural Law
of the South-Russian Institute — Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration under the President
of the Russian Federation, Professor
of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics, Law Faculty, Southern
Federal University

Kozhokar, Igor P.,
PhD in Law, Associate Professor,
Senior Researcher of the Institute of State
and Law of the Russian Academy of Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil
Law and Process and Private International
Law of RUDN

Kravchenko, Artur G.,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law
Disciplines, Institute of Law, Vladivostok State
University of Economics and Service

Mamychev, Aleksey Yu.,
Doctor of Political Sciences,
PhD in Law, Head of the Department
of Theory and History of Russian
and Foreign Law,
Institute of Law, Vladivostok State
University economy and service

Мордовцев Андрей Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
Ростовского филиала Всероссийского
государственного университета юстиции

Mordovtsev, Andrey Yu.,
Doctor of Law, Professor, Professor
of the Theory and History Department
of the Rostov Branch of the All-Russian
State University of Justice

Шатковская Татьяна Владимировна,
доктор юридических наук, профессор
кафедры теории и истории права
и государства Южно-Российского
института управления —
филиала РАНХиГС при Президенте РФ

Shatkovskaya, Tatyana V.,
Doctor of Law, Professor of the Theory
and History of Law and State Department of
the South-Russian Institute of Management —
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ¹. Обзор сессии в рамках ПМЮФ 2019 г.

DIGITAL SECURITY OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND THE STATE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: LEGAL MECHANISMS TO ENSURE. Overview of the session within the Legal Forum Live project of the St. Petersburg International Legal Forum 2019

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой обзор сессии, посвященной трансформации права в условиях глобализации в рамках проекта Legal Forum Live Петербургского международного юридического форума 2019 г., состоявшегося на базе Южного федерального университета в г. Ростове-на-Дону. Сессия организована кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета. Обзор составлен на основе выступлений и авторских тезисов спикеров, а также состоявшейся дискуссии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровое право; цифровая безопасность; безопасность личности; общества и государства; цифровая экономика; искусственный интеллект; правоохранительная деятельность; правопонимание; правовой прогресс.

ABSTRACT. The article is a review of the session devoted to the transformation of law in the context of globalization in the framework of the Legal Forum Live project of the St. Petersburg International Legal Forum 2019, held at the Southern Federal University in Rostov-on-Don. The session was organized by the Department of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University. The review is based on the speeches and author theses of the speakers, as well as the discussion.

KEYWORDS: digital law; digital security; security of the individual; society and the state; digital economy; artificial intelligence; law enforcement; legal thinking; legal progress.

¹ Обзор подготовлен Овчинниковым А.И. при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, ее приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования».

На региональной площадке проекта Legal Forum Live Петербургского международного юридического форума 2019 г. в Южном федеральном университете 13 мая 2019 г. состоялась пленарная сессия «Трансформация парадигмы права в условиях глобализации», в рамках которой прошло заседание на тему «Цифровая безопасность личности, общества и государства в условиях глобализации: юридические механизмы обеспечения». В приветственном слове модератор сессии д.ю.н., профессор А.И. Овчинников отметил, что анализ основных тенденций развития правовой системы России в условиях глобализации предполагает изучение концептуальных, методологических, аксиологических и технико-юридических аспектов развития правовой политики государства в контексте формирования нового технологического уклада. Именно цифровые технологии усиливают негативные последствия глобализации: технологическое отставание России может привести к серьезной зависимости от развитых постиндустриальных стран и «прозрачности» ее государственных структур и институтов. Было отмечено, что на сессии планируется обсуждение новых форм и видов взаимодействия права в целом, отдельных правовых институтов в частности, и современных экономических систем, претерпевающих радикальные изменения в связи с цифровизацией, а также разработка моделей правового регулирования с целью повышения эффективности цифровизации права и экономики, предупреждения рисков. Риски в сфере безопасности личности, общества и государства связаны с развитием новых технологий, робототехники, цифровизацией правового регулирования, возникновением новых его направлений, методов и структур, появлением ранее не известных регулятивных проблем в области цифровых технологий. Особенно важным является исследование рисков в связи с применением систем искусственного интеллекта в юриспруденции, правоприменении, средствах контроля поведения человека. Необходимо попытаться ответить на следующие вопросы: Как повлияет общее мировое цифровое пространство на суверенитет государства? Достаточно ли существующих юридических механизмов для защиты права личности на частную жизнь в условиях цифровизации государственного управления? Какие

юридические гарантии личности необходимы в условиях «технологической безработицы»? Насколько будет защищен человек в связи с рисками в сфере цифровой идентификации личности? Какими должны быть единые правила электронной идентификации граждан при заключении сделок в интернет-пространстве? Какие гарантии сохранения традиционных способов идентификации личности необходимо законодательно закрепить? Каковы этические вызовы цифровизации права, государства и экономики? Как связаны рост социально-экономического неравенства и возможность социальной напряженности в условиях цифровизации экономики и государства? Как относиться к таким изменениям, которые ставят вопрос о существовании многих институтов права с применением стандартизированного исполняемого цифрового кода? Как изменится поведение человека, если цифровой мир позволит отказаться от таких традиционных понятий, как «правонарушение»? Как цифровой мир повлияет на потребность общества в существовании демократических институтов? Как изменится наше отношение к правам и свободам человека, реализация которых зачастую просто технически не совместима с новым технологическим укладом? Нужно ли пересматривать сам подход к привычным правовым институтам, например, воли субъекта правоотношения, в контексте внедрения технологии нейронных AI? Как совместить фундаментальные принципы цифровых коммуникаций — саморегуляции, анонимности, свободы информации и ее конкуренции, с существующими механизмами правового регулирования? Необходимо ли нам отказаться от правовых методов принуждения, ограничения, делая ставку на технологии информационной конкуренции, правовые методы поощрения, рекомендации, правовой стандартизации, и как в этом ключе меняются правовые технологии обеспечения национальной, общественной, корпоративной и личной безопасности?

В своем докладе на тему «Проект “Концепции цифровой безопасности в РФ”: основные задачи, понятия и направления обеспечения безопасности личности, общества и государства» А.И. Овчинников отметил, что заслуживает отдельного анализа вопрос о цифровизации правового регулирования, государственного

управления в связи с наличием большого количества рисков в этих процессах для общества и человека. Цифровая безопасность предполагает не только «защиту цифры», но и «защиту от цифры». По его мнению, в цифровизации права и государства действовать необходимо крайне осторожно, без спешки и скоропалительных решений, так как цифровизация может привести к таким последствиям, о которых давно слышны апокалиптические прогнозы: цифровой тоталитаризм может стать концом цивилизации, а не ее очередной ступенью.

Развитие технологий электронного контроля, осуществляемого с помощью цифровых технологий и Big Data, в ближайшее время в корне изменит представление о государстве и праве. Создание банка кредитных историй, сбор информации о жизни каждого гражданина, начиная с успехов в школе и заканчивая телефонными переговорами и запросами в поисковых сервисах, осуществляемый для прозрачности каждого с точки зрения кредитной благонадежности, передача банковским структурам ряда государственных функций, включая функции правоохранительных органов, — все это может привести к построению тотального электронно-банковского концлагеря, в котором идеи демократического государства и справедливого общества приобретут такую интерпретацию, о которой и не представляли себе мыслители Просвещения, их разрабатывавшие. Однако развитие в данном направлении современных государств и их правовых систем заслуживает отдельного рассмотрения. Цифровизация судебной, нотариальной, правозащитной деятельности, информационные технологии в правоприменительной деятельности должны осуществляться с учетом угроз и вызовов политической, экономической, культурной, социальной безопасности личности, общества и государства. Разработка «Концепции цифровой безопасности в РФ» поможет определить основные направления государственной политики в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства в условиях цифровизации государственного управления, экономики, права. Концепция должна координировать деятельность федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, ор-

ганов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию системы гарантий безопасности в условиях цифровизации общественных отношений, прогнозировать риски и вызовы, определить понятия и механизмы обеспечения цифровой безопасности, особенно в отношении человека, сформулировать принципы применения цифровых технологий в жизни государства и общества. Ограничения и запреты необходимы для обеспечения безопасности личности, общества, государства в условиях всеобщей цифровизации. Государство не должно превращаться в «цифровой концлагерь», общество в «цифровую колонию», а человек в «цифровую личность». Эти ограничения должны быть закреплены законом, а также стать наиболее значимым и важным разделом Цифрового кодекса РФ.

В своем докладе д.ю.н., профессор С.А. Воронцов с темой выступления «Цифровая безопасность и правоохранительная деятельность: грани соприкосновения» рассмотрел различные вопросы, касающиеся организации правоохранительной деятельности в условиях цифровизации общества, государства и экономики. Особо он выделил и проанализировал тенденции использования AI в правоохранительной деятельности. По его мнению, интеллект представляет собой инструмент личности, которая, в свою очередь, представляет собой систему врожденных и приобретенных качеств, характеризующих человека, как объект и субъект биосоциальных отношений, наделенного сознанием и психикой, носителя разума и воли субъекта. Интеллект представляет собой мыслительную составляющую психики, отражающую восприятие разумной деятельности людей. Данный вывод говорит о том, что принципиально невозможно создать модель искусственного интеллекта, отражающую всю полноту психики человека, так как для этого пришлось бы моделировать не только человека, но и всю систему его социально-общественных отношений.

Искусственный интеллект отличается от обычных компьютерных алгоритмов тем, что он способен обучать себя на основе накопленного опыта. Эта уникальная функция позволяет искусственному интеллекту действовать по-разному в аналогичных ситуациях, в зависимости от ранее выполненных действий. По-

этому в большинстве случаев эффективность и потенциал искусственного интеллекта довольно неясны. Моделирование познавательной деятельности человека в полном объеме невозможно, по мнению многих авторов, так как человеческое познание, мышление всегда контекстуально, обусловлено системой установок, убеждений и зависит от эмоционального обеспечения. Искусственный интеллект не более чем технология, облегчающая обработку, хранение, контроль, использование и обмен информацией. Применение этой технологии представляется логичным и целесообразным в условиях нарастающего тотального информационного «завала». Поэтому искусственный интеллект в обозримом будущем не заменит полностью юриста, ибо в правоприменительной и правоохранительной деятельности есть такие факторы, как эмоциональное восприятие, навыки в интерпретации речи, эмоций, интерпретации определенных слов и выражений, которые пока что недоступны машинам и, вероятно, никогда не будут им доступны. Но ускорить работу и повысить ее качество эти алгоритмы помогут. Следовательно, термин «искусственный интеллект» допустимо употреблять лишь в качестве метафоры.

Особое внимание уделил С.А. Воронцов внимание и вопросам цифровой безопасности. В частности, он отметил, что под угрозой остается, прежде всего, защищенное Конституцией России право на личную жизнь, тайну переписки, банковскую тайну. Ведь совершенствуя машины, мы не совершенствуем человека. Выступающий обратил внимание на вопросы: не приведут ли процессы цифровизации к так называемой «цифровой наркомании», когда лица, имеющие отношение к данной сфере, будут стремиться все к большей дозе информации? Допустимо ли с точки зрения закона погружение в безнравственное созерцание чужой жизни, чужих тайн и секретов, если это не санкционировано судебными органами в связи с раскрытием преступления? Где тот порог нравственности в цифровизации, на котором человек должен остановиться? Может случиться так, что, когда мы наконец осознаем все последствия «цифровой революции» для личности и общества и попытаемся ввести процесс цифровизации в правовое русло, будет поздно. Значительная часть программ будет работать

не на благо личности, общества, государства, а на его разрушение.

Спикер к.ю.н., доцент И.П. Кожокар в своем выступлении на тему «Использование искусственного интеллекта в правоприменительном процессе: риски и угрозы цифровой безопасности» отметил, что стремительное развитие технологии искусственного интеллекта влияет на все сферы жизни общества, в том числе на право, правоприменение и судебную работу. Электронное правосудие становится частью современной юридической жизни. Принятие простых судебных актов вполне доступно роботу-судье уже сегодня. При этом ставится серьезный вопрос о возможной будущей замене судей-людей, не лишенных человеческих слабостей и страстей, на беспристрастных и объективных судей-роботов. Перед юридической наукой сегодня стоит задача разработки нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирования применения технологий искусственного интеллекта в рамках правоприменительного процесса, в частности при рассмотрении судебных споров. Автор в своем докладе раскрыл проблемы возможного использования искусственного интеллекта в рамках правоприменительного процесса: положительные и отрицательные стороны такого внедрения; проблемы применения судебного усмотрения; оценки доказательств, а также влияние на данный процесс дефектов нормативно-правового регулирования. Спикером сделаны выводы относительно того, каким образом необходимо внедрять подобные технологии в правоприменительный процесс, как возможно осуществление контроля за его деятельностью, какова защита прав и законных интересов участников правоприменительного процесса. Роботизация судебной работы ставит несколько важных проблем, требующих уже неотлагательного решения, в том числе на законодательном уровне. Прежде всего, главная проблема видится в том, что искусственный интеллект создается человеческим. Общество обоснованно возмущено высокой «коррупционнотемкостью» судебной системы, продажностью «оборотней в судебных мантиях», выявляемыми публично случаями судейской необъективности и пристрастности. Однако кто стоит за искусственным интеллектом? Кто пишет алгоритмы для роботов-судей?

Представляется также важным сформировать содержание понятия «типичные, серийные дела», подсудные роботу-судье. Идея «генерирования проектов судебных решений на основе скана искового заявления для типовых дел» должна быть тщательно оценена, необходима правовая регламентация перевода типичного дела в разряд нетипичных при обнаружении фактических обстоятельств дела, не охватываемых алгоритмом. Ведь даже самое рядовое дело о взыскании алиментов может оказаться запутанным, сложным и многоаспектным.

Необходимо также разработать нормативные основания и пределы проверки решений, сформированных роботизированными судьями. Важно также решить вопрос о правовых и технических последствиях и при принятии роботом незаконного решения, в том числе о корректировке алгоритмов и программного обеспечения. Отдельный вопрос — изменение юридического образования, системы подготовки юристов-судей, обладающих цифровыми компетенциями, способными работать совместно с роботами и иными программными продуктами. Нельзя признать, что современное юридическое образование на сегодняшний день способно обеспечить рынок в полном объеме такими специалистами.

Таким образом, возможная интенсивная роботизация судебной деятельности должна осуществляться параллельно с надлежащим нормативно-правовым и нормативно-техническим обеспечением этого процесса. Если автоматизация судебного делопроизводства и типичные решения-ответы по типовым спорам — это практически обыденность сегодняшнего дня, то передача принятия решения по сложному делу, требующему творческого профессионального подхода, предполагающего оценку эмоций, оценочных понятий, правовых принципов, понимания смысла происходящего, искусственному интеллекту — это задача будущего. Но, вероятно, не далекого.

Выступающий А.Г. Кравченко с темой доклада «Технократические вызовы традиционной системе права в условиях формирования цифровой экономики» отметил, что сегодня повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий во все развитых странах становится неизбежным фактом, связанным не только с самоорганизационными процессами

национальных обществ, но и необходимостью обеспечить национальную конкурентоспособность во всех публичных областях. Тот, кто сегодня отказывается от применения цифровых инноваций, завтра не сможет обеспечить ни лидирующих экономических позиций в мире, ни сохранить свой национальный суверенитет, ни обеспечить общественную безопасность своим гражданам. Таким образом, если одно из государств, например, в геополитической борьбе применяет принципиально новые цифровые решения, у других просто не остается выбора по их внедрению, какими бы благими консервативными мотивами они не руководствовались.

Отсюда следует вывод о том, что правовой запрет распространения любых цифровых технологий не эффективен, и бесперспективен, и в значительной степени формально-декларативен. Вместо этого правовая политика государства должна быть направлена, во-первых, на формирование цивилизованных форм использования передовых цифровых технологических решений, в том числе и цифровых. Во-вторых, посредством права необходимо осуществлять перемоделирование трансформирующейся под воздействием цифровых технологий социальной реальности, придавая ей конструктивные формы развития.

Остановившись на угрозах и вызовах для национальной системы права, которые формирует процесс внедрения цифровых решений, необходимым видится отметить, что их условно можно разделить на две группы. Первая группа находится в поле внимания законодателя, и на эту систему вызовов и угроз есть правотворческий ответ. Вторую группу составляют вызовы и угрозы, распознаваемые исключительно на уровне научных изысканий и не находящие свое отражение в законотворческой политике. Однако именно угрозы второй группы имеют принципиальный характер, требуют концептуальных, технологических решений, лежащих за пределами традиционных подходов в осуществлении правовой политики и государственного управления. Так, например, учитывая трансграничную природу сети Интернет, основной угрозой национальной цифровой экономики является исход из зоны «суверенного Интернета» субъектов экономических отношений, спровоцированный воспроизводством административных барьеров государством в циф-

ровой форме. Очевидно, что подобный вызов требует изменения традиционной модели государственного регулирования, отказ от карательных средств, формирования приоритета упреждающего правового регулирования, развития позитивных санкций и т.п.

Еще одним вызовом информационного общества является качество доступной информации, ее системность, достоверность, которая обеспечивает соблюдения соответствующих прав личности, при соблюдении конституционного запрета на цензуру, трансграничность информационных ресурсов. В этом смысле российское государство становится перед еще одним принципиальным вызовом — отказом от приоритета запрета на распространение информации в пользу приоритета обеспечения полноты ее раскрытия и стимулирования информационной конкуренции.

Игнорируются законодателем в полном объеме и угрозы, сопряженные с применением не развитых информационных технологий, замещающих традиционные формы коммуникации. Между тем, например, правовая политика повсеместного внедрения таких «сырых» технологических решений, как, например, «дистанционное образование», наносит реальный экономический ущерб государству, поскольку понижает качество образования, нежели формирует прорывной образовательный процесс. В этом смысле установление правового запрета на внедрение неотработанных технологий, разработки стандартов качества внедряемых технологических решений может выступать гарантией обеспечения законных интересов личности и государства.

Наконец в рамках обозримого горизонта развития механизма правового регулирования мы можем наблюдать тенденции развития технократизации права, придания ему в цифровом мире форм неоспоримого исполнения. Между тем, такая заманчивая перспектива лишения личности возможности нарушить норму права влечет и формирование фундаментальной угрозы — формирование состояния «застывшего» права. Поскольку правонарушение носит не только общественно деструктивный характер, но и выступает источником самого развития права, а также компенсатором «мертвого права», возникающего в силу нарушения порядка демократических

процедур принятия нормативно-правовых актов, юридико-технических ошибок законодательной техники, общественных, научных заблуждений, социо-культурных атавизмов, или в силу развития, изменения регулируемых общественных отношений, лишения человека возможности правонарушения в цифровом пространстве, может повлечь куда более деструктивные явления, чем частные нарушения правовых норм. В этом ключе очевидным видится потребность уже сегодня в упреждающем формулировании принципов правовой политики в области цифровых технологий, в том числе трансформирующих саму национальную систему права.

В выступлении к.ю.н., доцента О.В. Ахрамеевой «Нотариальный механизм обеспечения цифровой безопасности при оформлении прав граждан и юридических лиц в условиях глобализации» было отмечено, что цифровая безопасность в большинстве своем воспринимается как комплекс различных мер, обеспечивающих конфиденциальность, целостность и в то же время доступность информации, но с учетом исключения несанкционированного доступа, использования, раскрытия, искажения, изменения, исследования, записи или уничтожения этой же информации. Однако четвертая промышленная революция обеспечила условия для активного развития различными видами технологий, которые без должного внимания социума и социальных регуляторов будут самостоятельно развиваться. Но вместе с тем и породила угрозы: личности и личных прав; свободам человека в выборе товаров, услуг, работ и пр.; цифровой промышленной, трудовой и политической безопасности и т.д.

Кроме того, на сегодняшний день вышеуказанные технологические угрозы представляют собой либо сверхглобальные (политическая безопасность, безопасность суверенитета страны), которые невозможно решить волей одного и нескольких лиц (здесь необходима воля большинства человечества), либо это угрозы, связанные с самостоятельным решением человека, как и в каких целях использовать достижения технологий (поисковые запросы, культура пользователя ПК и пр.).

При этом российская правоприменительная практика имеет механизмы, которые могут обеспечить безопасность участников граждан-

ского оборота, в том числе в цифровой среде. Этот механизм — нотариат. Нотариальная деятельность — это механизм (порядок, последовательность) осуществления от имени государства уполномоченными лицами, органами, организациями и учреждениями возложенных на них нотариальных действий, призванных юридически закрепить гражданские права и предупредить возможность их нарушения или правоохранительно-юрисдикционных функций в сочетании с оказанием юридической помощи гражданам и организациям.

Таким образом, «государство передает нотариусу часть своих функций и полномочий по обеспечению защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, поддержанию правопорядка... Властное полномочие нотариуса представляет собой веление, облеченное в правовую форму — публичный нотариальный акт. Их особенность состоит в том, что все они должны быть унифицированы, действительны и обязательны на всей территории Российского государства, то есть иметь законную силу»¹.

Необходимо учитывать, что для участников рыночной экономики не важно, кем осуществляется удостоверительная и регистрационная деятельность. Им важна стабильность, а последняя зависит от того уровня гарантий эффективного осуществления профессиональной деятельности, который передается этим самостоятельным публичным структурам от государства, а точнее — как эти гарантии закрепляются в законодательстве и как они действуют на благо граждан. Ведь ни одна правовая и организационная система не может гарантировать абсолютную безопасность своей деятельности при развивающихся общественных отношениях.

Поэтому необходимо создание условий, в которых бы минимализировались риски участников сделок, устранялись бы помехи и препятствия при осуществлении участниками своих прав, а также разрешались бы споры, устранялись бы ошибки в документах, возмещался причиненный ущерб. Институт

нотариата имеет в своем «багаже» актуализированный в соответствии с современными требованиями перечень «цифровых» нотариальных действий и «цифровых» нотариальных процедур, основанных на цифровых государственных сервисах.

Так, законом² предусмотрены случаи, когда нотариальные действия могут совершаться на основе электронного документа. Такой документ должен быть подписан электронной квалифицированной подписью заинтересованного лица. К таким действиям можно отнести, например, удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе (гл. XX.2 Основ).

Также законом установлены и действия, которые не могут совершаться на основе электронного документа, например, удостоверение доверенности, поскольку в данном случае обязательно личное присутствие доверителя.

Законодатель отдельно выделил в главу XX.2 Основ такие нотариальные действия, как удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе и удостоверение равнозначности документа на бумажном носителе электронному документу, что позволяет ввести в гражданский оборот электронные документы, а также передавать на расстояния традиционно оформленные (бумажные) документы без потери времени на пересылку традиционным способом. В этих процедурах нотариус также фиксирует лишь факт соответствия бумажного документа его электронному аналогу.

Таким образом, все эти нотариальные действия позволяют лицам (и физическим, и юридическим) подтвердить и доказать свою правоту.

Помимо этих доказательственных действий, нотариус осуществляет нотариальные действия, играющие специальную доказательственную роль, которые прямо названы в главе XX Основ «Обеспечение доказательств». Так, в соответствии со ст. 103 Основ в порядке обеспечения доказательств нотариус допрашивает свидетелей, производит осмотр письменных и вещественных доказательств, назначает экс-

¹ Герасимова Г.К. Развитие отношений института нотариата с государственной властью и гражданским обществом // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (15–16 февраля 2007 года, г. Москва). М.: ФРПР, 2007. С. 30–31.

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2019) // Ведомости СНД и ВС РФ, 11.03.1993, № 10, ст. 357; Российская газета, № 172, 08.08.2018.

пертизу. Наиболее частые нотариальные мероприятия: осмотр почтовой корреспонденции, осмотр места предполагаемого незаконного строительства, осмотр электронной почты, осмотр веб-сайта и содержащейся на нем информации и др.

Также одним из новшеств в нотариальных процедурах является наделение нотариусов полномочием по созданию юридически значимых электронных документов по запросу граждан и юридических лиц, не имеющих усиленной квалифицированной электронной подписи.

С одной стороны, это говорит о неполном включении всех граждан (и юридических лиц) в процесс цифровизации российского общества. Но, с другой стороны, это и говорит о недоверии участников гражданского оборота к этим технологиям. Тем не менее именно с нотариальной помощью можно обойти эти персональные угрозы и при этом участвовать в технологическом обороте. Таким образом, от обратившихся требуется только лишь т.н. простая электронная подпись при последующем ее удостоверении посредством УКЭП нотариуса.

Еще один аспект современного технологического развития — технология блокчейн, которая, на первый взгляд, может разрешить все вопросы, возникающие при оформительских процедурах с участием государственных и муниципальных органов и учреждений, в том числе и нотариусов.

Но что же представляет собой эта технология? Блокчейн — это распределенная система данных (распределенный реестр), включающая в себя блоки информации и сведения обо всех транзакциях, осуществляемых участниками указанной системы. В свою очередь, под реестром традиционно понимается список, перечень чего-либо, представляющий собой форму систематизации различной информации, в том числе о деньгах или имуществе.

Таким образом, распределенный реестр — это база данных активов, которая распределена по сети разнообразных сайтов, в разных географических зонах или организациях. Все участники сети могут иметь собственную идентичную копию реестра.

Главной особенностью технологии распределенного реестра (блокчейна) является децентрализация, неизменность, анонимность и публичность, в чем и заключаются преимуще-

ства этой технологии, но и одновременно это создает проблемы государству с точки зрения регулирования таких платежей и контроля над ними, а также сохранения конфиденциальности информации даже между участниками этих цепей. Тем более что и участие является (или может являться) анонимным.

Однако остается открытым вопрос, как эти особенности согласуются с принципами частного права, опосредующими договорные отношения: свобода воли сторон, предполагающая необходимость изменения при изменении внешних факторов; диспозитивность в выборе и формы, и условий договоров (а заранее выбранная программа предусматривает и заранее выработанные шаблоны). Также остается вопрос об обеспечении участникам сделок гарантий: проверка контрагента, наличие/отсутствие брачного договора и т.д., что подразумевает тайну частной жизни, коммерческую тайну, и возможно лишь при помощи уполномоченных лиц, уже сейчас имеющих доступ к этим и подобным базам данных.

Соответственно, как же в условиях такой анонимности, неизменности и публичности использовать эту технологию в нотариальной деятельности, где основная цель — это официальность, диспозитивность участников, конфиденциальность и т.д. Положительность этой технологии для нотариата отстаивается со следующих позиций: «отсутствие необходимости в реальном присутствии заявителя при совершении нотариальных действий; переход от бумажного делопроизводства к цифровизации нотариальной деятельности; отсутствие необходимости в посреднике (которым предположительно является нотариус) при совершении сделок; наличие возможности запросить получение нотариальной услуги без географических преград в любом месте; наличие возможности получить нотариальную услугу в любое время (по принципу «24/7»); прозрачность реестра и защищенность информационной базы от любых изменений...»¹.

Однако перечисленные материально-технические преимущества технологии (электронный документооборот, отсутствие географических преград и необходимости физического присутствия и пр.) уже существуют в нотари-

¹ Ситыко Н.Г. Блокчейн в современной деятельности нотариуса // Нотариальный вестник. 2018. № 9. С. 49.

альном производстве. Вместе с тем пресловутое отстаивание свободы от посредника при совершении сделок, прозрачность и публичность реестров влекут негативные последствия для участников сделок.

Ведь даже составление завещания требует: проверки дееспособности (как это будет проверять машина, если человек находится в состоянии алкогольного или наркотического опьянения); разъяснения правил оформления новых форм завещательных волеизъявлений (наследственный договор, наследственный фонд и т.д.); разъяснения правил об обязательных наследниках, правил о завещательном отказе, о завещательном возложении и т.д. А если человек слепой, глухой, глухонемой и т.д.? А если это договор купли-продажи недвижимого имущества, обремененного рентой?..

Таким образом, рано говорить о замене традиционных механизмов оформления сделок и нотариального удостоверения процедурой блокчейн, поскольку нотариальный механизм в полной мере дает все необходимые элементы обеспечения безопасности участникам оборота.

Помимо основных спикеров форума в обсуждении проблем цифровой безопасности приняли участие и многочисленные присутствующие. Так, в своем кратком выступлении доктор юридических наук, профессор А.Ю. Мордовцев отметил, что профессор А.И. Овчинников в своем выступлении обозначил ключевые аспекты проблемы цифрового оформления правовой информации на рубеже XX–XXI вв. В целом, общий дискурс заявленной темы включает несколько аспектов вопроса:

1) необходимо рассмотреть вопрос о соотношении норм права и иных социальных регуляторов (мораль, обычай, традиции и др...) в условиях цифровизации;

2) проблема цифровых технологий в современных государствах актуализирует в общем-то старую, известную в зарубежной и отечественной правовой науке проблему соотношения уровня безопасности человека, личности, общества, государства и, что очевидно, механизм обеспечения прав и свобод человека.

В общем, такой вопрос был поставлен еще на уровне античного мировосприятия. Однако наиболее широкое распространение он получил в работах Дж. Локка, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля,

которые обозначили проблему соотношения прав и свобод человека в контексте обеспечения законности и правопорядка национально-государства.

В настоящее время и в рамках национального, и в контексте международного политико-правового дискурса этот вопрос приобретает не только теоретическое, но и практическое выражение.

В своем выступлении, посвященном проблеме целеполагания в цифровую эпоху, доктор юридических наук, профессор Т.В. Шатковская отметила, что количество используемых за последние несколько лет на различных научных мероприятиях сочетаний со словом «цифровая» дает полное основание для включения его в Книгу рекордов Гиннеса. Однако это количество, к сожалению, не только не переходит в качество, а наоборот, осложняет и без того непростую ситуацию в сфере действия права.

И вместе с тем в условиях отсутствия более или менее устойчивых теоретических представлений о целях и тенденциях современного правового развития идет процесс цифрового законодательства, который рождает массу вопросов. Например, появление в Гражданском кодексе термина «цифровые права» вызывает только недоумение. Если цифровизация — это по большому счету способ, средство формализации, то не ясно, что происходит с правами, когда они становятся цифровыми. Речь идет об изменении только формы или меняется сущность субъективного права и способы его осуществления.

Не менее дискуссионным было отмечено засилье иностранных терминов, которые внедряют в отечественный юридический глоссарий. Не отрицая значимости новых технологий и связанных с ними бизнес-моделей, нуждающихся в правовой регламентации, следует подчеркнуть, что в России имеется негативный опыт тотального заимствования западного юридического инструментария. Онемечивание российской юриспруденции в начале XVIII века привело к таким деструктивным последствиям, как правовой нигилизм и дуализм правовой системы. Спикер полагает, что такие термины, как краудсорсинг и краудфандинг, будут так же понятны обывателю, как в упомянутые времена ландрихтеры и ассессоры.

Современные юристы настолько увлеклись пестованием собственного юридического глос-

сария, что забыли о том, что юридический текст написан, прежде всего, на языке его автора и предназначен для понимания носителями этого языка. И многие разрабатываемые термины наверняка имеют определенное лексическое значение, к которому и надо в первую очередь обратиться и приблизиться, поскольку основной задачей общей теории права является не конструирование идеальных многозначных и в большинстве своем фиктивных моделей, оторванных от социально-экономической реальности, а напротив, разработка инструментария, удобного, эффективного, понятного тем, кому он предназначен — обывателям.

В рассуждениях о новой цифровой реальности ученые исходят из незыблемости объекта исследования, что во многом обусловлено доминированием логико-догматического подхода. Однако сегодня речь как раз идет о кардинальной смене социального контекста, что не может не повлечь парадигмальных изменений юридического научного знания. Поэтому вряд ли представляется возможным говорить о содержании даже таких устойчивых понятий, как цели и функции права в системе цифровых отношений с научных позиций XX века, когда данные понятия имели другое эмпирическое основание.

В связи с этим Т.В. Шатковская считает необходимым условием дальнейшего развития правовых институтов — определение целей и желательного государственного и правового порядка, который выдвигается всей совокупностью исторических условий, и придание им правовой формы. Поэтому приступая к обсуждению развития права в условиях цифровизации общественных отношений, необходимо прежде всего определиться с основными тенденциями и целями этого развития.

Формируемые сегодня институции цифрового права не могут быть нацелены исключительно на приоритет рынка и экономических законов, обеспечение права сильнейшего победителя в конкурентной борьбе, доминирование отдельных социально-экономических систем и облегчение деятельности государственных институтов. Ценностным ориентиром цифровизации необходимо избрать благо человека, общества и государств как их политических объединений, формирование условий для совершенствования национальных правовых

культур в направлении достижения общечеловеческих ценностей, способствующих единству в многообразии и общему благу.

В дискуссии принял участие и доктор политических наук, кандидат юридических наук, А.Ю. Мамычев, который отметил, что в настоящее время происходит формирование новых видов общественных отношений, где люди, вещи, машины, процессы совместно формируют особые режимы функционирования, специфические отношения, в контексте которых складывается, опосредуется, опредмечивается и определяется каждая из этих сущностей. Данные кардинальные изменения требуют и принципиально новые теоретико-методологические подходы к исследованию, и новые инструменты политического моделирования и правового прогнозирования. Именно последние сформируют предпосылки и соответствующие рамки стабильного безопасного развития специфических отношений между технологиями и людьми, совместно выступающими не только агентами, но и архитекторами постсовременных форм жизнедеятельности.

В настоящее время общей концепции нормативно-правового и этического регулирования отношений, связанных с разработкой, внедрением и применением систем искусственного интеллекта, роботизированных технологий и цифровых алгоритмов, а также ценностно-нормативного и нравственно-этического кодирования процессов разработки программного обеспечения, машинных алгоритмов и проч., как на уровне действующего национального законодательства, принятых доктринально-правовых актов и деонтологических кодексов, так и на международно-правовом уровне, не сформировано. Отсутствие нравственно-этических и доктринально-правовых основ развития роботизированных технологий и соответствующего программного обеспечения, а также конституционно-правовых идей и практик в этой сфере, ведет к фундаментальным вызовам национальной и глобальной безопасности, к серьезному отставанию правового развития общественных отношений, к возможности эффективного «юридического кодирования» и публично-властного управления этими процессами.

Представляется неверной идейно-концептуальная установка ряда исследователей, что клю-

чевые конфликты и противоречия в XXI веке будут связаны с противостоянием на публичной арене социокультурности и цифровых технологий, роботизированных и общественных систем. Напротив, ряд отдельных, практических исследований свидетельствует о конвергенции (сближении, сплаве, смешении, движении к друг другу) социокультурных достижений и технологических новаций (самих по себе выступающих продуктом социокультурной среды). Например, в виртуальном пространстве воспроизводятся устойчивые архетипические формы сборки социальных сообществ, реализуется отграничение (определение границ виртуального сообщества, установление виртуальных маркеров, символов и проч.) и идентификация (определение своей чужие, процедуры включения в сообщество). Здесь происходит переплетение традиционных форм и инновационных технологий (например, в процессе структуризации онлайн-сообществ устанавливаются нормативы и властные ин-

станции, система ценностно-нормативных регуляторов и др.).

Главный вопрос современности — это гармонизация действующих нормативно-правовых систем, регламентирующих жизнедеятельность общества и этических стандартов функционирования систем искусственного интеллекта и роботизированных технологий. Все создаваемые человеком и разнообразные социальные регуляторы всех уровней, в том числе и нормативных, должны действовать согласованно и максимально непротиворечиво. В противном случае мы столкнемся с кризисом нормативных систем, которые будут замещены свободными от социально-этических стандартов абстрактными алгоритмическими системами. Именно гармонизация может выступить гарантией формирования действенной системы развития общественной системы, ее стабильности и безопасности в век цифровых технологий.